

Научная статья

УДК 02.41.11

doi: 10.47475/1994-2796-2023-10105

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Наталья Борисовна Полякова¹, Алексей Андреевич Шамшурин²

^{1,2}Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

¹midies@mail.ru

²shamshurinudsu@gmail.com

Аннотация. Современное состояние социального бытия таково, что оно определяется экономическим дискурсом. Экономическая реальность как языковая пронизывает структуры мышления. Поскольку философия есть то, что конструирует мышление, постольку она сама становится местом предъявления экономических смыслов. Цель данного рассмотрения заключается в попытке осмысления того, что является причиной современного экономического прочтения социально-философских концепций. Для этого используется метод субъект-объектного тождества, предложенный Ф. В. Й. Шеллингом и актуализированный в О. Н. Бушмакиной в рамках современной философской школы — социальная онтология в конструктивно-герменевтическом подходе. Применяемый метод позволяет показать, что рационально-философское промышление социального располагается в пределах экономической расчётливости. Социальная реальность в своём воспроизводстве совпадает с экономическим дискурсом. Функционирующая социально-экономическая реальность размечает смыслы социального бытия. Возникает необходимость понимания экономики как одного из многих вариантов саморепрезентации социального. В статье показано, что экономика является предструктурой социального мышления и, соответственно, тем, к чему апеллирует социальное в вопросах своей реализации. Экономика выступает языком/формой социального мышления, в пределах которого осуществляется его свобода и потенциальность.

Ключевые слова: мышление, экономическая реальность, речевой акт, философская репрезентация

Для цитирования: Полякова Н. Б., Шамшурин А. А. Репрезентация экономического мышления в социально-философских концепциях // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 39–47. doi: 10.47475/1994-2796-2023-10105

Original article

REPRESENTATION OF ECONOMIC THINKING IN SOCIO-PHILOSOPHICAL CONCEPTS

Natalia B. Polyakova¹, Alexey A. Shamshurin²

^{1,2}Udmurt State University, Izhevsk, Russia

¹midies@mail.ru

²shamshurinudsu@gmail.com

Abstract. The current state of social existence is such that it is determined by economic discourse. Economic reality as a linguistic reality permeates the structures of thinking. Since philosophy is what constructs thinking, to the extent that it itself becomes a place of presentation of economic meanings. The purpose of this review is to try to understand what is the reason for the modern economic interpretation of socio-philosophical concepts. For this purpose, the method of subject-object identity, proposed by F.V.Y. Schelling and actualized in O. N. Bushmakina within the framework of the modern philosophical school — social ontology in a constructive hermeneutic approach, is used. The method used allows us to show that the rational and philosophical thinking of the social is located within the limits of economic prudence. Social reality in its reproduction coincides with economic discourse. Functioning socio-economic reality marks out the meanings of social existence. There is a need to understand economics as

one of the many options for self-representation of the social. The article shows that economics is a pre-structure of social thinking and, accordingly, what the social appeals to in matters of its implementation. Economics acts as a language/form of social thinking, within which its freedom and potentiality are realized.

Keywords: thinking, economic reality, speech act, philosophical representation

For citation: Polyakova NB, Shamshurin AA. Representation of economic thinking in socio-philosophical concepts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(1(471):39-47. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-10105

Введение. Проблема совпадения «социального» и «экономического»

Деконструкция социально-философских концепций указывает на трансформацию социальной реальности, заполненной экономическими смыслами. Социальное в виде реальности в отличие от видимой действительности может быть задано как мыслимое, мыслящее или мысль-знание. «То, что мы называем реальностью, есть то, о чём мы можем мыслить, поскольку оно имеет смысл» [1, с. 47]. Явленность мыслимой социальной реальности предстаёт через символический характер языка, который, выражая её, оборачивается словом-действием. Смыслы экономического знания, согласуя и направляя действия, выстраивают логику социального взаимодействия, и поэтому экономическое начинает совпадать с социальным. «Символ побуждает мыслить» (П. Рикёр), но в современности мыслить только экономически. И далее: «мышление может господствовать над смыслом реальности, упорядочивать и представлять его, он может быть просто представлен философом» [Там же, с. 47].

Экономика как бы стёрла иные смыслы социальной реальности и заключила её с помощью монетизации в такие экономические языковые формы, как «выгода», «полезность», «обмен», «денежный знак» и прочее. Она стала господствующим, властвующим смыслом социальной реальности, а потому заняла статус субъекта. Он одновременно и социальный, и экономический, упорядочивающий и связывающий приёмами универсализации и стандартизации общественные структуры в единое целое. Поэтому и реальность именуется социально-экономической.

«Экономическое» согласует и направляет действия. Оно пред-полагает порядок действий, которые вписываются посредством общей логической структуры в одно-единое экономическое поле. В нём уже не различаются частное и публичное пространства [2, с. 50]. План соединяет социальных агентов, образуя то, что обозначается как пред-определённое всякого социального взаимодействия. Такая экономическая пред-структура оборачивается традицией, контекстом или пред-

рассудком [3]. Совпадая с неосознаваемым действием, она становится действительностью, которая, будучи непосредственным опытом, раскрывается как некий объективно существующий «естественный» закон общественного устройства. Таким образом, экономика и субъективна, и объективна. Проявляя своё субъективное начало, она упорядочивает, располагает смыслы социального, по сути сливаясь с ним. Экономика оказывается самым социальным (экономика = социальное). В качестве объективного она воплощает мыслимые пред-структуры в конкретных социальных действиях.

Социально-философское осмысление экономической пред-структуры позволяет обнаружить её как концепт, располагающий смыслы социально-экономической реальности. Поскольку социальное (субъективное) и экономическое (объективное) совпадают в саморепрезентации экономики, постольку конструируются социально-экономические концепты социального бытия, различающиеся в процессе трансформации его смыслов. Современные социально-философские концепции, такие как «общество потребления» [4], «общество знания» [5], «прозрачное общество» [6], определяются движением самоописания экономики, в которых через именование она проявляет разнообразие своих смыслов.

Проблема состоит в том, что экономический смысл оккупировал социальную реальность. Социально-мыслимое знание, конструирующее реальность, существует не как самописание общества Н. Лумана, а как развитие экономических моделей, совпадающих с концептом «социальное бытие».

Субъективная саморефлексия экономики репрезентирует вариант социального — концепт-модель капитализма, задающая общество. Это становится очевидным постольку, поскольку для каждой из социальных концепций характерен определённый вид капитализма: для «общества потребления» — это капитализм знаков, для «общества знания» — когнитивный капитализм, для «прозрачного общества» — цифровая экономика или надзорный капитализм [7].

Социальная реальность задана капиталом. Можно было бы легко отказаться от этого тезиса и даже утверждать обратное, что капитал детерминируется социальным, однако всякий раз, когда возникает вопрос о природе денег, то причина их заключается в них самих, и современное общество как сателлит не имеет возможности от них отказаться или выступить антагонистом экономики. Противостоять экономической логике — значит фактически выступить против здравого смысла, рациональности и благополучия. Однако такая одномерность мышления (Г. Маркузе) является опасностью для человечества [8, с. 28]. И далее вслед за Р. Л. Хайлбронером можно констатировать, что дело выживания человека и общества обернулось парадоксом: выживанием самого дела посредством человека и общества [9, с. 21–23].

Дело общества как экономическое действие стало целью общества. Поэтому социально-философский концепт понимается как итог и следствие развивающегося экономического смысла, а не наоборот. Основания того или иного капитализма опираются на пройденный им историко-генетический путь. Исторический аспект этого пути позволяет объяснять экономику как движитель общества, начиная от прошлого и заканчивая настоящим; генетический аспект показывает этот же путь, но уже от настоящего к прошлому, объективируя общество как тип, формацию или цивилизацию.

Имея традицию, начатую К. Марксом и Ф. Энгельсом, социальное устанавливается экономическим оправданием, рефлексивным как детерминант. Исторический и генетический (в марксистской диалектике — логический) аспекты, пересекаясь друг с другом, указывают на настоящее посредством введения понятия «современность» [10, с. 111–113]. Так можно говорить о «современности средневековья» или о «современности наших дней» как пересечении исторического и генетического аспектов в социально-экономическом целом. Поэтому есть причины считать, что «современность» также обеспечивает экономике её господство. «Современность» и «модернизация» слились в значении постоянно развивающегося экономического роста. «Современное общество» есть экономически продвинутое общество, продолжающее своё совершенствование в каждой «точке» настоящего.

В пространстве социального разыгрывается вариативность смыслов, которая оказывается заранее подчинённой экономическому знанию как

полно, соединяющему слово и действие в труде [11, с. 234–258]. При возможных многих интенциях через концепт «социальное» протягивается один господствующий экономический смысл. Затем он как разумное основание наиболее точного и достоверного знания относительно самого себя обнаруживается во всех продуктах мыслительной деятельности. С помощью труда общество движется в «настоящем». «Настоящее» самосовершенствование общества совпадает с трудовой деятельностью.

Таким образом, бытие экономики в логике труда самоопределяется посредством объективированной структуры действия и субъективного содержания слова. Логическое основание экономического дискурса в социальном целом обозначается расчётливостью, что отсылает к интерпретации М. Хайдеггером понятия «ratio» [12].

Смыслоположение экономики как знаниевой реальности разворачивается в структурах объективации и субъективации. В случае с объективацией «благополучие» — цель трудовой деятельности — предстаёт как само по себе существующее и как бы ждущее совпадения знания с разумной действительностью. А в случае с субъективацией оно достигается совпадением слова (символа) с расчётливой рациональностью, тогда «благополучие» есть математически определяемая величина. С одной стороны, концепт «экономика» в структурах объективации оборачивается действительно существующим законом, и тогда соединяется с повседневным опытом. Экономика — это экономизм. С другой стороны, экономика предстаёт в субъективных моделях, репрезентирующих рациональный экономический расчёт или способ видения и построения социального взаимодействия. Экономика — это социальный конструкт. Экономические смыслы общества генерируются в виде механистического закона действительности либо конструируются экономико-математическими моделями вне всякого опыта.

Методологическое основание

Обозначенные теоретические позиции указывают на разрывы в социально-философских исследованиях и невозможность осмыслить бытие экономики в его целостности, в его везде-сущности в современном совместном существовании. Получается так, что либо экономика — действительность общества, либо экономика — есть разумность общества. Тем самым общество не саморепрезентируется, а распадается на экономические референции общества. Возникает вопрос

о необходимости возвращения обществу целостности его бытия.

Соединение разных точек зрения с помощью метода субъект-объектного тождества в конструктивно-герменевтическом подходе к анализу социального бытия (философская школа PROXIMA [13], О. Н. Бушмакина, Н. Б. Полякова, А. В. Яркеев) позволяет интерпретировать смыслы социального, сохраняя его целостность. Это означает, что экономический смысл является одним из вариантов осуществления социального целого. Именно такой подход преодолевает разрыв между так называемой «трансцендентной» экономикой [14], осуществляемой в неосознаваемом действии повседневного опыта, и «воображаемым» социальным [15], где общество есть конструктор «общества» или его модель.

«Трансцендентная» экономика есть экономическое действие, оторвавшееся от слова. «Воображаемое» общество есть концепт слова в имманентном плане мышления. Действие видимо, тогда как слово невидимо. Преодолевая разрыв между словом и действием, достигается «точка» пересечения как видимое невидимого присутствия экономики. Это есть то, что Ж.-Л. Нанси в работе «Деконструкция монотеизма» [16] обозначал как присутствие отсутствия. Экономика как действие оборачивается словом, а слово становится действием в труде. По этой логике с отсылкой на Н. Кузанского она есть максимум максимума как «слово» и минимум минимума как «действие». Можно утверждать присутствие экономики в осуществлённых структурах «трансцендентной» экономики как действительность «действия» и реальность воображаемых конструкторов экономического «слова».

Цель данной работы состоит в рассмотрении социально-экономической реальности как предструктуры современных социально-философских концепций. Предметом исследования является философский смысл социального, инкорпорированный в экономическое знание.

Самоопределение социального мышления и его экономический смысл

Социальное, саморефлексируя в «точке зрения» социального субъекта, создаёт концепции, которые существуют как социальное мышление. Социальное бытие представлено в собственных самоописаниях, в которых оно являет своё существование в разных концепциях, обнаруживая себя под разными именами [Бушмакина; Оранж]. Языковое самоопределение общества

в исключительно единственной точке «экономика» — общественное целое есть экономическая реальность — ставит под вопрос самодостаточность и самодостоверность социальной саморефлексии.

В случае с господствующим экономическим смыслом социальное мышление структурировано экономической логикой. Тогда критерием социальной концепции становится не само по себе социальное мышление, а экономическая обоснованность социальной структуры. Так социальное мышление сначала представляется социально-экономическим, а затем экономическое начинает превалировать как в теоретическом значении через математическую рациональность, так и в практическом значении через волю к «благополучию». «Представлять здесь значит: самостоятельно ставить нечто перед собой и удостоверять представленное как таковое. Это удостоверение не может не быть расчётом, ибо только вычислимость представляемого гарантирует заведомую и постоянную уверенность в нём» [12, с. 59]. Экономическое знание как бы вскрывает неустойчивость и недостаточность объективированного социального, стремясь заполнить его своим смыслом для своей собственной самодостаточности. Можно сказать, что социальное мышление «заражается» экономикой (Н. Б. Полякова). Поэтому необходимо произвести философскую деконструкцию преобладания экономической истины в мышлении и её смысловой относительности.

Обращаясь к философской традиции интерпретации мышления, возможно развернуть её через концепт «тождества мысле-деятельности» (М. Хайдеггер, Х. Арндт, П. Рикёр и др.). Точка тождества субъективного и объективного описания социального мышления протягивается через субъективность мышления, понимаемого как процесс, и объективность — как результат. Мышление как процесс становится результатом себя, а рефлексия результата возобновляет процессуальность. Самописание целого социального мышления как «этости» в своей «чтойности», полученного в-себе-и-для-себя, то есть в-себе-как-процесса-и-результата-себя-для-самого-себя, есть самореализация. Другими словами, результативность процесса мышления есть его реализация. Таким образом, можно утверждать, что самописание мысле-деятельности задаётся тождеством процесса и результата, манифестируя структуру взаимосвязи, в разворачивающейся конструкции совпадения процесса и результата в деятельности.

Деятельность есть процесс самореализации мышления. Движение деятельности в непрекращающемся потоке осуществляется через реализацию в действии, где она приостанавливается и обнаруживает себя в конкретике так, что вновь возобновляет своё течение, с целью совершения «нового» действия. Деятельность объективируется в действии. Она есть форма видимых действий. Каждое отдельно взятое действие понимается относительно другого действия внутри объединяющей их деятельности. С каждым сделанным действием деятельность не заканчивается, но находит свою завершённость как реализованность именно в нём. Действие как конкретное есть лишь этап выражения мысле-деятельности, в котором обнаруживается не завершённость деятельности, то есть её прекращение, а необходимость мыслить через действие вновь.

Мысль действует. Как деятельностное начало она приобретает форму в понятии. Определение понятия есть «пристёжка» мысли и слова, через которое мысль формализуется, приобретая значение. Поскольку понятие есть результат деятельности мышления и произведённый в процессе мышления продукт, постольку оно есть также его «ограничитель». Получается, что объекты ограничения, а именно слова, участвуют в реализации мыслительной деятельности или, иначе, процесса мышления. Так слово реализуется, то есть становится ограниченным и понятным в определении. Внутри реализации неограниченный процесс мышления сталкивается с определённым словом как понятием. Таким образом, процессуальное мышление оказывается произведённым или реализованным внутри языка. Значит, деятельность есть «язык», а действие — «слово».

Язык производит мышление. Ограниченность слова как формы мысли представлена в однозначности его действия. Одно слово — одно понятие. Язык конечен. Число слов ограничено. Поэтому мышление не может полностью выразить себя посредством языка. Поскольку слово — это форма, то содержательно она может быть наполнена разными значениями, обнаруживающимися мышлением. Возникают многозначность слова и множество смыслов. Понятие есть результат мышления. В этом результате находится начало неограниченности процесса мышления как открывающаяся многозначность. Поэтому результат есть ресурс возобновления мысле-деятельности. Она есть то, что обнаруживает само мышление в качестве себя посредством языка в процессе само-рефлексии [17].

Логика рассуждений указывает на то, что язык выступает в качестве ресурса мышления, которое оно продуцирует в своей деятельности. Это подтверждается языком, этимологический разбор частей которого устанавливает то, как слово-языковое-действие наполняется значением, оборачиваемым в вариативность смыслов. Слово «ресурс» было заимствовано из французского языка. Глагол *ressourcer* означает «оживить», «пополнить». А существительное *ressource* переводится как «средство», «способ», «возможность». Соответственно, при самореализации мышления возникает потребность всецело использовать многозначность языка в его смысловой ресурсности («средство», «способ», «возможность») так, чтобы, избегая ненужных трат, существовать как самодостаточное целое. Смысловая избыточность (многозначность) ставит вопрос о необходимости экономии языка и в языке.

В свободной самореализации мысле-деятельности заключается выбор и воля. Человеческое в человеке изъясняется через конкретные слова-действия. Неограниченная свобода мышления и воля как знание сталкиваются с ограниченным ресурсом как результатом, то есть определённым понятием языка. Определённая сущность, выраженная значением слова, ограничивает существование, о-существляясь в нём. Иначе говоря, неограниченное реализуется в ограниченном. Оборачиваясь ресурсной возможностью, определённое (однозначность) как ограниченное становится неопределённым (многозначность) или неограниченным. Неопределённое определённого есть тождество неограниченного и ограниченного в «точке» ресурса.

Определённое неопределённого есть совпадение однозначного результата и многозначного ресурса. Экономика исчерпала себя в своём значении прибыльности и становится редкостью для самой себя. Она начинает процесс самоописания, она сама для себя является ресурсом. Ресурсность экономики располагается внутри неё самой. Экономика исчерпывает иные внешние ресурсы для определения себя. Обращаясь к себе, она обнаруживает только себя как универсальную форму или само социальное мышление. Поэтому экономика редкость как единственная возможность и истинный смысл социального мышления. Экономика единична в смысле единственного способа описания совместного существования. Как одна-единственная она реализуется в своём минимальном значении и одновременно, как единственный способ описания всего социального

бытия, она становится его максимальным смыслом. Экономика как максимум занимает место бога и господствует, оказываясь местом власти (Агамбен).

Экономический смысл субъективен, поскольку совпадает с социальным мышлением и одновременно объективен, поскольку реализуется в социальных действиях «производства», «потребления», «обмена», «труда» и других. Каждый из этих социально-экономических актов в своей отдельности объективно демонстрирует прошитость социального экономическими действиями, а следовательно, и здравый смысл как рациональность, доведённую до расчётливости. Но этот радикализованный способ понимания *ratio* оборачивается тем, что в общественном со-существовании не остаётся места ни одному другому акту, ни одной другой мысли, кроме товарно-денежных отношений. Тогда любой творческий, благотворительный или простой акт дарения либо должны быть вписаны в экономическую систему, рассчитаны в ней либо должны быть исключены из социального. Человеческое основание в человеке, сохраняя себя в своей целостности, каждый раз оказывается большим по отношению к голому расчёту. Ощущение невозможности реализовать себя как социально-го и в социальном исключает всё иное, не экономическое из пространства человеческой жизни, как находящееся за комфортной, экономически стабильной и предсказуемой жизнью. Необходим возврат творческого мыслительного начала в социальное, которое не отменит экономическое, но позволит репрезентироваться общественному целому благодаря социальным языкам или множественности его имён, предъявляемых в разных смысловых аспектах его полей, институтов, сообществ (политическое, юридическое и иное). Тогда экономика в своей смылоположенности окажется местом предъявления ещё одного имени социального, ещё одним его вариантом. Такой поворот в социальном мышлении возможен тогда, когда необходимые культурные составляющие человеческого общественного бытия заявляют свой вне-экономический смысл. Тем самым социальное разворачивается к своей субъективной сущности и репрезентирует себя в своей многозначной смысловой наполненности. Разворачивается социальное к себе тогда, когда экономические действия понимаются следствиями метафор социального мышления. Объективные экономические акты начинают расцениваться как экономические смыслы социального.

Происходит самоопределение социального мышления в точке разворачивания экономических смыслов в двух направлениях — через рациональность (объективация) и дальнейшей её реализации в конкретных действиях, и через столкновение с человеческой культурой (субъективация) посредством обнаружения языков, как имён социального. Во-первых, посредством объективации субъективного, когда социальное схлопывается с экономически необходимым расчётом совместного существования. Во-вторых, — субъективации объективного, когда смысл экономического есть метафорическое существование социального мышления. Социальное мышление заряжено экономическим смыслом этих метафор.

Таким образом, в самореализации мышления заключено основание экономического знания. Остов мысле-деятельности есть язык, являющийся в совокупности экономических метафор, которые реализуют совпадение мышления с экономическим действием.

Обращение к рассуждениям Ж. Бодрийяра о медиакратии, существующей в своей отдельности, оторванной от социального, позволяет выстроить аналогию, через которую экономический способ может пониматься как господствующий. Власть экономики замкнута языком предельной денежной расчётливости/рациональности. Социальное многозначно в своих именах и смыслах. Экономический язык переписывает социальный внесением однозначности в социальное взаимодействие. Тем самым экономика опрокидывается в социальное до состояния неотличимости одного от другого.

Поэтому экономический способ описания оборачивается действительным объективным социальным миром. Это мир ресурсов, который натурализован и поэтому действителен. Ресурсность указывает на то, что он ограничен, конечен, независим от воли — именно таким он и предстаёт, а экономика — как такое знание, которое в своей основе имеет дело с реализацией этого якобы непосредственно данного. Потеря тождества мышления и языка как его ресурса и разрыв неограниченного и ограниченного полагаются в основу экономики как самодостоверного знания. Таким образом, при условии разрыва неограниченности мышления и ограниченности ресурсов как связь одного с другим возникает понятие «редкость», ставшее «точкой» разворачивания экономического смысла. Отсюда и неоспоримая аксиома экономического знания, ко-

торая гласит, что потребность неограниченна, а ресурсы ограничены [18, с. 18]. Под «потребностью» здесь будет пониматься широкое значение: не только как потребность тела, но как потребность мышления.

Другими словами, экономика возникает из понятия «редкости», которое, поскольку она самодостаточна, сама утверждает. Исходя из того, что экономическое знание становится пересечением мышления и ресурсов, оно позволяет задать условия для предельной рациональности. Только данная рациональность с разумом не имеет ничего общего. Она простирается исключительно внутри экономического поля. И если для разума противоположностью является чувство, то для такой «экономической» рациональности — иллюзорность и инфантилизм. Антагонистический характер инфантилизма и экономики заключается в том, что первый как бы полагает «редкость» как надуманную категорию и отрицает принцип ограниченности ресурсов.

Социальное мышление как мышление коммуникации состоит в языковой реализации себя как продуцировании социальных концепций. Само-реализация социального мышления сменилась на реализацию в экономически заданном поле. В этом поле идёт борьба предельной рациональности с чем-то совершенно-не-рациональным, как бы инфантильным. С тем, что выступает против благополучия и здравого смысла. Именно та-

ким полем становится экономика в объективированных структурах социального мышления.

Заключение

Метод субъект-объектного тождества в конструктивно-герменевтическом аспекте позволяет интерпретировать философские смыслы социально-экономической дискурсивности. Социальное мышление посредством экономического смысла разворачивается в субъективности мыслительности как процесса и в объективации субъективности как результате в виде экономических метафор: «производство», «потребление», «обмен», «рынок», «благополучие» и т. д. Мыслительность репрезентируется в экономически «заряженном» мышлении. Социальное действие предстаёт в виде реализации экономически «заряженного» мышления. Объективация экономической реальности, совпадающей с социальным миром, является речевым актом, овеществлённым в экономическом действии.

Деконструкция экономической реальности как предструктуры современных социально-философских концепций указывает на варианты исчерпанности экономического смысла социального. Это позволяет социальному обнаружить свою смысловую вариативность во множественности других имён. Тогда экономика становится тем, что помогает социальному реализовать свою смысловую относительность.

Список источников

1. Рикёр П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 240 с.
2. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.
5. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
6. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / пер. с ит. Д. Новикова. М.: Логос, 2002. 128 с.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.
8. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. 331 с.
9. Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего / пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 432 с.
10. Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму? / пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред. и предисл. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

11. Рикёр П. Труд и слово // История и истина / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. С. 234–258.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
13. «Proxima. Социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте». Научная школа О. Н. Бушмакиной. НИИ-5272.2012.6. URL: <http://proxima.school.udsu.ru> (Дата обращения 11.02.2022).
14. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. с ит. Д. С. Фарафоновой, Е. В. Смагиной. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара; Фак. свобод. искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
15. Касториадис К. Воображаемое установление общества / пер. с фр Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис : Логос, 2003. 480 с.
16. Кузанский Н. Игра в шар. О видении Бога / пер. с лат. В. В. Бибикина. М.: Академический Проект, 2012. 158 с.
17. Taheri A. Hegelian-Lacanian Variations on Late Modernity. Spectre of Madness. London: Imprint Routledge, 2020. 192 p.
18. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: в 2 т. : пер. с англ. 11-го изд. Т. 1. М.: Республика, 1992. 399 с.
19. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 384 с.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. 640 с.
21. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с ит. А. А. Зотова; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имён М. С. Ковалёвой; науч. консультант Н. А. Макашёва; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
22. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ.; вступ. ст. с. 5–56 С. Г. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
23. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вст., ст., коммент. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
24. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология: пер. с фр. / сост. С. И. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.

References

1. Rikyor P. Politika, ekonomika, obshchestvo. Rukopisi i vystupleniya 4. Moscow: Centr gumanitarnyh initsiativ; 2021. 240 p. (In Russ.).
2. Arendt H. Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni. St. Petersburg, Aletejya; 2000. 437 p. (In Russ.).
3. Gadamer H-G. Istina i metod: Osnovy filos. germenevtiki. Moscow: Progress; 1988. 704 p. (In Russ.).
4. Bodriijar Zh. Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury. Moscow: Respublika: Kul'turnaya revolyuciya; 2006. 268 p. (In Russ.).
5. Gorc A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital. Moscow; 2010. 208 p. (In Russ.).
6. Vattimo Dzh. Prozrachnoe obshchestvo. Moscow: Logos Publ.; 2002. 128 p. (In Russ.).
7. Zuboff Sh. Epoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novyh rubezhah vlasti. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; 2022. 784 p. (In Russ.).
8. Markuze G. Odnomernyj chelovek. Moscow: AST: AST MOSKVA; 2009. 331 p. (In Russ.).
9. Hajlbroner RL. Filosofiy ot mira sego. Moscow: Astrel': CORPUS; 2011. 432 p. (In Russ.).
10. Ternborn J. Ot marksizma k postmarksizmu? Moscow; 2021. 256 p. (In Russ.).
11. Rikyor P. Trud i slovo. In: Istoriya i istina. St. Petersburg: Aletejya, 2002. P. 234–258. (In Russ.).
12. Hajdegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. (In Russ.).
13. “Proxima. Social'naya ontologiya v konstruktivno-germenevticheskom aspekte”. Nauchnaya shkola O. N. Bushmakinoj. NSH-5272.2012.6. Available from: <http://proxima.school.udsu.ru> (Data obrashcheniya 11.02.2022). (In Russ.).
14. Agamben Dzh. Carstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya. Moscow; St. Petersburg; 2018. 552 p. (In Russ.).
15. Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva. Moscow: Gnozis; Logos, 2003. 480 p. (In Russ.).
16. Kuzanskij N. Igra v shar. O videnii Boga. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2012. 158 p. (In Russ.).
17. Taheri A. Hegelian-Lacanian Variations on Late Modernity. Spectre of Madness. London: Imprint Routledge; 2020. 192 p. (In Russ.).

18. Makkonell KR, Bryu SL. Ekonomiks: Principy, problemy i politika. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Respublika; 1992. 399 p. (In Russ.).
19. Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate. Moscow: Nauka; 1993. 384 p. (In Russ.).
20. Marks K, Engel's F. Izbrannye proizvedeniya. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1979. 640 p. (In Russ.).
21. Pareto V. Kompendium po obshchej sociologii. Moscow; 2008. 511 p. (In Russ.).
22. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. Moscow: Progress; 1984. 367 p. (In Russ.).
23. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii. Moscow: KDU, 2011. 416 p. (In Russ.).
24. Bataj Zh. "Proklyataya chast": Sakral'naya sociologiya. Moscow: Lodomir; 2006. 742 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Б. Полякова — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин.

А. А. Шамшурин — старший преподаватель кафедры философии и гуманитарных дисциплин.

Information about the authors

N. B. Polyakova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Humanitarian Disciplines.

A. A. Shamshurin — Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Humanitarian Disciplines.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.